

The background of the entire cover is a dynamic blue-toned image of three soldiers in the water. One soldier on the left is looking forward, another in the center is aiming a rifle, and a third on the right is also aiming. The water is splashing around them.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ПИРАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Морской спецназ

Сергей Зверев

**Пираты государственной
безопасности**

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Пираты государственной безопасности / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Морской спецназ)

ISBN 978-5-699-62022-7

Кремлевские чиновники Артюков и Сеченов «кинули» криминального олигарха Заурбека Баталова на пятьдесят миллионов долларов. Заурбек решил наказать обнаглевших чиновников и организовал на Артюкова покушение. Тот остался жив, но жутко перепугался и решил, что им с Сеченовым нужно как можно быстрее откупиться. Чинуши «слили» Заурбеку информацию государственной важности: через сорок дней из России к берегам Гайаны отправится сухогруз, на борту которого будет чемоданчик ценой в миллиард «зеленых». Заурбек простил «слуг народа» и начал подготовку к нападению на судно. Первым делом он нашел исполнителей – по неофициальным каналам выписал себе в помощь четырех элитных боевых пловцов, бывших сотрудников ФСБ. Именно им предстоит сыграть ключевую роль в ограблении сухогруза...

ISBN 978-5-699-62022-7

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Московская область;	6
Московская область,	8
Глава первая	12
Глава вторая	19
Глава третья	24
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев

Пираты государственной безопасности

Часть первая

Прощай, «Фрегат»...

Пролог

Московская область, Рублево-Успенское шоссе, Жуковка

Месяц назад

По Рублево-Успенскому шоссе летел кортеж из четырех автомобилей. Обычный кортеж, каких за сутки в здешних краях проезжает не менее сотни. Впереди, по-хозяйски и изредка взвизгивая сиреной, раздвигает поток полицейская машина сопровождения с включенными проблесковыми маячками. Второе и четвертое авто набиты профессиональными телохранителями-охранниками. Посередине – «членовоз с важной и чрезвычайно занятой персоной». Простые жители окрестных сел давно привыкли к светопреставлению и завыванию сирен, рядовые участники дорожного движения, вынужденные простаивать в немыслимых пробках, провожают сии кавалькады усталыми взглядами и крепкими выражениями.

На сей раз в уютной утробе «членовоза» восседал действительно важный представитель властных структур – господин Артюков. Торопиться ему было некуда – рабочий день в Кремле завершился, – однако по-другому ездить по родной столице он не привык.

Кортеж лихо проскочил поворот на Раздоры, пролетел мимо череды дорогих автосалонов и, обогнув торговый центр «Базар», нырнул вправо – к центральной улочке Жуковки, сплошь застроенной роскошными особняками. Казалось бы, еще минута-другая, и драгоценного чиновника доставят к гранитному крыльцу его «бюджетного» жилища.

Но не тут-то было.

Едва кортеж выехал на Т-образный перекресток и поравнялся с тремя мусорными баками, как в одном из них взорвался мощный заряд.

Полицейский автомобиль успел проскочить перекресток и не пострадал. Первую черную «Ауди» с охраной крутануло ударной волной и отбросило на противоположный тротуар. Основная сила взрыва akurat прилась на «членовоз», который опрокинуло на бок. Вдобавок в него врезалась замыкавшая кортеж машина с телохранителями.

Через несколько секунд оба автомобиля пылали посреди дороги. Вокруг них бегали полицейские и уцелевшие охранники, пытаясь вытащить из горящих салонов выживших людей...

**Московская область;
национальный парк «Лосиный Остров»,
ФГБУ «Клиническая больница»
Около месяца назад**

Как ни странно, но на обширной территории знаменитой Кремлевской больницы не нашлось даже скверика с лавочками, где можно было спокойно побеседовать о делах, не опасаясь прослушки. Поговаривали, будто на третьем этаже, где когда-то лечились Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный, Жуков, Андропов, Черненко, Ким Ир Сен и десятки других легендарных личностей, имелся зимний сад, но туда выздоравливающий Артюков идти с навестившим его посетителем побоялся. Решили прогуляться по тропинке, пролегающей по зеленому газону вдоль длинного корпуса клиники.

Одетый в спортивный костюм Артюков шел, прихрамывая и опираясь на тросточку, правая рука, «упакованная» в гипс, висела на перевязи, лицо «украшало» несколько полосок пластыря, а обгоревшие в пожаре волосы были ровно подстрижены «под расческу». В общем, выглядел он вполне сносно, учитывая, что в момент мощного взрыва оказался всего в шести метрах от его эпицентра.

Рядом, приотстав на полшага, выздоравливающего коллегу сопровождал Сеченов – пожилой мужчина в белой рубашке, наглаженных брюках и сверкающих новенькой кожей туфлях.

– Считаешь, взрыв организовал Баталов? – спросил Артюков.

Это был не вопрос, а скорее намерение услышать подтверждение собственных предположений.

– У нас с тобой достаточно врагов, – негромко ответил Сеченов, – но на подобные выходки у большинства не хватит духу. А Баталов – кавказец, матерый боевик, прошедший две войны, поэтому лично у меня сомнений в личности, организовавшей покушение, нет.

С десяток шагов Артюков проделал молча. Затем приостановился, чтобы успокоить сбившееся дыхание, и угрюмо проговорил:

– Сегодня приезжали из Генеральной прокуратуры. Целая делегация, черт бы их побрал! Сидели битый час с диктофоном в руках и выспрашивали.

Сеченов вопросительно посмотрел на коллегу, и тот, пожав плечами, пояснил:

– Премьер поручил Генеральному лично контролировать расследование, вот они и засуетились.

– Надеюсь, версию о Баталове ты не озвучил?

– Я обгорел и получил несколько осколков взрывного устройства, а с головой у меня все в порядке.

– Спрашивали, кого подозреваешь?

– Разумеется. Высказал две версии: либо кто-то из недовольных коммерсантов, не получивших подряды в Сочи, либо обнаглевшие лидеры оппозиции. Пусть прокачивают эти направления – там работы на несколько лет...

Тропинка закончилась, впереди серым пустырем простиралась автомобильная стоянка. Потоптавшись на границе зеленого газона и асфальта, мужчины медленно направились в обратную сторону.

Зашуршав пачкой сигарет, Артюков озабоченно поинтересовался:

– Сколько Баталов потерял на оружейных поставках?

– Около пятидесяти миллионов, – ответил Сеченов, доставая зажигалку и поднося пламя к дрожащему кончику сигареты.

- Долларов? Евро?
- Все операции рассчитывались в долларах.
- Не так уж и много, чтобы устраивать охоту с фейерверками, – выдохнув дым, обиженно буркнул Артюков.
- Но и не мало, чтобы простить.
- Так что ты предлагаешь?
- Он не успокоится, пока не отомстит. Тебе повезло – два убитых охранника и по осколку в конечности. В следующий раз он точно кого-нибудь из нас завалит. Нужно срочно что-то предпринимать.
- Добром нам этот конфликт не уладить. Ты ведь знаешь о его связях – он вхож не только к премьеру.
- Вот и я о том же.
- Сделав несколько затяжек, Артюков зло отбросил окурок и предложил:
- Может, нанять ребят из ФСБ или ФСО? – Увидев, как поморщился Сеченов, он горько улыбнулся. – А что? Подстроят автомобильную катастрофу или подoshлют снайперов...
- Думаешь, на этом все закончится? Убийство Баталова только разозлит его шайку. Есть у меня одна красивая задумка, но она нуждается в доработке и...
- В чем еще?
- В твоём содействии.
- В каком именно?
- Нужны подробности засекреченной информации по готовящейся сделке с Гайаной.
- Ого! – почти шепотом выдал удивление Артюков. – Хочешь слить ему эту информацию?
- Почему бы не рискнуть? Он азартен до больших денег – клюнет.
- А знаешь, что с нами сделают, если узнают?..
- Я точно знаю, что с нами сделает Баталов, если мы не уладим конфликт.
- Минуту подумав, Артюков махнул здоровой рукой:
- Ладно, выкладывай свою задумку. Постараюсь помочь...

Московская область, Рублево-Успенское шоссе, Жуковка Около месяца назад

По шоссе мчались два представительских автомобиля. Первый был набит вышколенными охранниками, на заднем сиденье второго скучал Сеченов. Машины его кортежа также были оборудованы мигалками, но водители включали их в самых крайних случаях. Не любил хозяин привлекать излишнего внимания. Да и спешить было некуда.

Сеченов сидел на заднем сиденье с закрытыми глазами – то ли дремал, то ли предавался воспоминаниям, то ли выстраивал очередную многоходовую комбинацию. Водитель и начальник охраны наблюдали за дорогой и помалкивали, стараясь не беспокоить шефа...

Сразу после визита в Кремлевскую больницу он позвонил Баталову и предложил встретиться для серьезного разговора. В голосе Баталова звучало откровенное презрение, смешанное с недоверием.

– Однажды вы меня уже подставили. Хотите развести еще разок? – насмешливо спросил он. И сам же ответил со зловещими нотками в голосе: – Нет уж, господа, увольте. Настало время платить по счетам.

– Нет-нет, Заурбек, никаких подстав – даю слово! И вообще, прошу забыть все старые обиды, – поспешил успокоить его Сеченов, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. – Я как раз и хотел уладить то недоразумение, которое бросило тень на нашу дружбу. Уверю, тебе понравится мое предложение. Давай договоримся о встрече – я готов приехать, куда и когда угодно.

Покладистость, сговорчивость, трусливый голос произвели на собеседника впечатление, однако осторожный Баталов не изменил своим принципам и предложил свой вариант:

– Хорошо, я сам найду тебя. До встречи...

На том короткий телефонный разговор закончился.

Поначалу Сеченова охватила легкая паника. Зачем он позвонил этому страшному человеку?! А вдруг террористический акт, организованный в Жуковке, – дело рук вовсе не Баталова, а кого-то другого? Мало ли кому Артюков перекрывал кислород за время работы в высших эшелонах власти! Мало ли кто точит на него острые зубы!..

Однако хорошенько подумав, через пару дней он успокоился. Во-первых, все реальные подозрения упрямо сходились на личности Баталова. Во-вторых, конфликт с ним действительно затянулся и когда-нибудь грозил прогреметь таким же взрывом, какой случился на центральной улице Жуковки. Так что устранение хитрого, решительного и мстительного кавказца по-любому обещало дать положительный результат.

Заветную информацию по секретной сделке с Гайаной Артюков добыл буквально несколько часов назад, после чего позвонил Сеченову и попросил привезти в Кремлевскую больницу настоящий шашлык из баранины. Это был условный сигнал, означавший, что он получил интересующие сведения. Сеченов немедленно отправился в Лосиный Остров и, завладев нужными деталями, наконец возвращался под вечер домой...

Перед плавным поворотом на Барвиху кортеж неожиданно обогнал полицейский автомобиль. Взвыв сиреной и прижимая лидирующую машину, экипаж ДПС недвусмысленно намекал на необходимость остановиться.

– Какого черта им надо? – тихо выругался начальник охраны. – Совсем, что ли, нюх потеряли?

Кортеж упрямо двигался в сторону Москвы, но на траверзе церкви Покрова Пресвятой Богородицы дорогу преградил второй полицейский автомобиль. Этот факт заставил начальника охраны оглянуться и вопросительно поглядеть на шефа.

Тот не спал. Прищурившись, пару секунд оценивал ситуацию и скомандовал:

– Остановитесь! Возможно, навстречу едет президент или премьер...

Начальник охраны связался с заместителем, сидевшим рядом с водителем первого автомобиля, и кортеж, плавно замедляя скорость, «причалил» к обочине.

Однако, к удивлению Сеченова и охранников, вместо встречного кортежа одного из первых лиц государства по примыкающей дороге – со стороны поселка Раздоры – выскочили несколько огромных внедорожников. Лихо развернувшись на шоссе, они заблокировали пару представительских машин, а полицейские экипажи при этом с поразительной скоростью исчезли.

Охрана высыпала наружу и заслонила автомобиль с шефом, послышались щелчки пистолетных затворов. Из внедорожников, в свою очередь, выпрыгнули крепкие ребята, вооруженные автоматами. Положение складывалось явно не в пользу охраны пожилого чиновника.

– Не дергайтесь, – буркнул он, выбираясь из салона. – Кажется, я догадываюсь, чьи это орлы...

Охранники и парни из внедорожников спокойно курили, стоя чуть поодаль друг от друга. Оружие из рук молодых мужчин исчезло – зачем привлекать внимание проезжавших мимо по оживленной трассе?

Одетый с иголки кавказец лет сорока играл желваками и сверлил собеседника злым и одновременно насмешливым взглядом. Он был светлокож, рыжеват и на первый взгляд запросто сошел бы за жителя средней полосы России. Кавказские корни выдавал сумасшедший акцент и неистовая жестикуляция, сопровождавшая почти каждую фразу.

– К чему весь этот маскарад?! – приглушенно возмущался чиновник. – Мы должны были встретиться в тихом укромном месте и спокойно поговорить о чрезвычайно серьезном деле. А ты чуть ли не устраиваешь перестрелку!

– Нет, уважаемый Игорь Михайлович, – здесь я шуметь не стал бы, – прошипел в ответ кавказец. – Но ты ведь знаешь, что за пределами Рублевки полно безлюдных местечек, где я мог бы устроить перестрелку или заложить на обочине дороги пару мощных фугасов. А еще ты знаешь, что долгов я не прощаю.

Сеченов незаметно вздохнул. О расчетливой мстительности Заурбека Баталова ему было отлично известно, иначе он не стал бы разрабатывать тонкую и многоходовую комбинацию по сливу важнейшей информации.

О темном прошлом Баталова и впрямь ходило много легенд. Будто начинал он в первую чеченскую кампанию в вооруженном формировании амира арабо-мусульманской группы в Чечне Абу аль-Валида, затем был назначен его преемником, но позже отошел от командования военными операциями и занялся снабжением чеченских соединений оружием, боеприпасами и современными средствами связи, на чем и заработал немалый капитал. Ну а позже и вовсе перебрался в Москву, где подмял под себя несколько крупных структур в бизнесе.

– Ладно, забудем прошлые обиды, – наконец произнес чиновник, щелчком отправляя окурок за обочину. Сколько ты потерял на той неудачной сделке?

– Много, – коротко ответил чеченец. – Очень много.

– Меня интересует конкретная цифра, – настаивал Сеченов, словно не знал ее.

– Около пятидесяти миллионов долларов.

– Прилично. Но я постараюсь предложить гораздо больше.

– Что значит «предложить»? И почему я должен тебе верить? Ведь однажды вы с дружкой меня уже подставили! Конкретно подставили!!

– Да, Заурбек, так уж получилось, и мы виноваты перед тобой. Но пойми: у тебя просто нет выхода.

Кавказец продолжал буравить Сеченова ненавидящим взглядом, а тот, будто не замечая этого, спокойно продолжал:

– Либо ты в порыве мести уничтожишь нас каким-нибудь изощренным способом и, разумеется, ничего, кроме морального удовлетворения, не получишь, либо согласишься мне и за несколько недель заработаешь приличную сумму. Действительно очень приличную.

Постепенно гнев в глазах Баталова угасал, сменяясь азартом и заинтересованностью – вероятно, практичность брала верх над эмоциями.

– Насколько сумма больше потерянной? – спросил он.

– Ровно в двадцать раз.

Несколько долгих секунд кавказец недоверчиво изучал одутловатое лицо российского чиновника.

– Присядем в мою машину, – предложил тот, уловив перемену. – Там спокойнее и нет лишних ушей...

Беседа в салоне представительского автомобиля длилась более получаса. Мимо проносились дорогие иномарки обитателей Барвихи, Жуковки, Усово, Горок и прочих роскошных местечек Рублевки. Пару раз туда и обратно медленно проезжали бело-синие машины, из окон которых на странное скопление крепких мужчин трусовато глазели сотрудники полиции. Охранники Сеченова и головорезы Баталова успели выкурить по паре сигарет и выпить несколько бутылок минеральной воды, а их боссы все о чем-то совещались...

Наконец тихо щелкнули замки задних дверей, и чиновник с кавказцем покинули душный салон. Охранники с головорезами примолкли и тут же побросали окурки.

Негромко переговариваясь, боссы задержались у левого борта черной машины. И чеченец настороженно поинтересовался:

– Этот разговор останется между нами?

– Видишь ли, Заурбек, – спокойно и рассудительно произнес чиновник, – если о сливе информации по Гайане узнает ФСБ, нас с Артюковым ждут большие неприятности. Очень большие! Так что мы рискуем не меньше твоего и разглашать ее не намерены.

Помолчав, будто взвешивая все «за» и «против», Баталов задал последний вопрос:

– Значит, судно выходит ровно через сорок дней?

– Да. И, согласись, это достаточный срок для качественной подготовки.

– Не знаю. Слишком необычное дельце. Слишком необычное...

– Но оно того стоит! Если соберешь подходящую команду, найдешь соответствующее оборудование, тщательно продумаешь операцию – все получится. И будем считать, что мы с Артюковым вернули тебе долг с баснословными процентами. Ну, по рукам?..

Принимая окончательное решение, кавказец смотрел на кроны растущих по обочине деревьев. Его раздирало сомнение, но в глазах сверкали искорки, потушить которые уже было невозможно.

– Да-а-а... – задумчиво протянул он, – миллиард долларов – барыш приличный. Да беда в том, что взять его будет непросто.

– Я бы сказал, очень непросто. Но если все получится – ты обеспечишь на всю жизнь себя, детей и внуков.

Наконец Баталов хлестко ударил ладонью по протянутой ладони чиновника:

– Согласен.

– Вот и славно, – обрадовался тот. – Предлагаю встретиться через пару дней и обговорить детали.

– Я сам позвоню тебе и назначу место встречи...

Развернувшись, кавказец быстро исчез в темной утробе внедорожника, его люди спешно заняли свои места. Взревели движками, огромные машины умчались туда, откуда приехали, – к поселку Раздоры.

Сеченов тоже сел в свой автомобиль.

– Прикажете ехать дальше? – поинтересовался начальник охраны.

– Да, поехали.

Кортеж из двух представительских авто плавно тронулся и, аккуратно вписавшись в поток, двинулся в сторону столицы.

Некоторое время чиновник устало смотрел в окно на проплывавшие мимо пейзажи, потом ухмыльнулся и прошептал:

– Да, дельце интересное. Что ж, возмись за него, Заурбек, возмись. Только смотри не надорвись...

Глава первая

Российская Федерация,

Москва – Североморск – Баренцево море

Около месяца назад

Очередная командировка не предвещала больших сложностей, нервов, рисков и прочих аттракционов. Единственное неудобство, заставившее поволноваться командование отряда боевых пловцов, было связано с ее неожиданностью.

Звонок на сотовый телефон поступил от шефа – генерал-лейтенанта Горчакова – в субботу вечером. Я мчался на своем старом «шведе» на Остоженку, где в уютном ресторанчике поджидала одна стройная милашка по имени Василиса. В голове клубились мечты о ведерке с ледяным шампанским и развороченных горах паюсной икры, о развратном продолжении вечера в моей квартирке под тихие звуки сладострастного блюза...

До ресторанчика оставалось не более трех кварталов, и... вдруг завибрировала мобила, старательно высветив на экране ненавистный номер.

– Собери людей, – без предисловий приказал шеф, – через три часа жду шестерых человек на аэродроме в Чкаловском.

– Куда и на сколько дней? – вздохнул я, мысленно произнося тираду из сплошного мата.

– На север. Срок командировки зависит от качества и скорости исполнения поставленной задачи.

– Задача сложная? Молодежь для обкатки взять?

– Возьми пару человек, – отозвался шеф после короткой паузы.

– Понял, – буркнул я и дал отбой.

Затея посидеть в ресторанчике в обществе молодой прелестницы, с плавным переездом в обиталище широкой кровати окончательно лопнула. Меня не покидало такое чувство, будто я только что объелся пельменями из тарелки, на дне которой был красочно изображен жирный лобстер.

Вздохнув, я принял вправо и нажал на тормоз. Мой «швед», с дизайном от итальянских наркоманов, кое-как втиснулся в случайную прореху.

«Ладно, – подумал я, – жаловаться на судьбу не пристало: столь внезапные звонки и спешные сборы иногда практикуются в нашем ведомстве. Что делать – мой отряд по-своему уникален, и некоторые из задач никто другой выполнить не в состоянии. К тому же все мои коллеги-пловцы носят погоны офицеров Военно-морского флота, и приказ для нас – дело святое...»

Набрал номер старого друга и заместителя – капитана второго ранга Георгия Устюжанина:

– Привет! Чем занят?

– Шашлычок на даче готовлю. Подъезжай, через полчаса будет готов.

– Увы, Жора, в следующий раз. Боюсь, и тебе его отведать не придется.

– Что, опять?.. – В голосе друга прозвучали разочарование и усталость.

Немудрено – всего три дня назад мы вернулись с Дальнего Востока, где пришлось изрядно потрудиться при обезвреживании старой торпеды в акватории одного из морских портов.

– Да. Горчаков только что осчастливил. Через три часа ждет в Чкаловском.

– Черт... Успеть бы прорваться через все пробки.

– Успеешь. Собирайся и рви по МКАДу, а я пока обзвоню других.

– Постараюсь. Но ты ведь знаешь, какой из меня автогонщик...

Вообще, профессия боевого пловца уникальна. Взять хотя бы меня или любого офицера из нашего «Фрегата». Мы не имеем ни одной гражданской специальности, но запросто задерживаем дыхание на четыре минуты и знаем все о подводном снаряжении и дыхательных аппаратах – как отечественных, так и зарубежных. Мы малосведущи в правилах дорожного движения, зато с легкостью управляем всевозможными судами и подлодками любого класса. Мы никогда не занимались наукой, но расскажем о морских обитателях подробнее ихтиолога с ученой степенью.

Пора представиться. Я – Евгений Арнольдович Черенков. Чистокровный славянин, ростом под два метра и весом чуть более центнера. Мне тридцать шесть. Я ношу погоны капитана второго ранга и командую особым отрядом боевых пловцов «Фрегат-22». Мои подчиненные – люди особого склада и закалки, прошедшие уникальную по сложности подготовку. Таких, как мы, – не более сотни на всю Россию, что невероятно мало в сравнении с элитой сухопутных спецподразделений, да и методика нашей подготовки являет собой тайну за семью печатями. Когда-то советским пловцам приходилось учиться у итальянцев, немцев и англичан, а сейчас эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального боевого пловца.

Моя карьера стартовала так давно, что я с трудом припоминаю, с чего начинал. Мама была профессиональным музыкантом и получала гроши, но мы не бедствовали. Она давала мне двадцать пять копеек в день, а я умудрялся на эти деньги прилично питаться в школьном буфете.

В первые двадцать лет жизни мне отчаянно везло: я рос здоровым и бесплатно получал хорошее образование, верил в справедливость и не боялся ни бандитов, ни педофилов, ни врачей, ни людей в милицейской форме. Трижды в неделю мама проводила меня в общедоступный бассейн, расположенный в трех кварталах от дома, и передавала тренеру – седовласому добряку Вениамину Васильевичу. С ним тоже сказочно повезло: во-первых, он был заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы, а во-вторых, когда я поумнел и окреп, он взял меня с собой на Черное море, где к обычному снаряжению добавилась диковинная штука – акваланг. С той незабываемой поездки морские глубины стали для меня заветной мечтой.

Так незамысловато и буднично обыкновенное увлечение, навязанное мамой «для общего развития детского организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру: я показывал неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки. И постепенно ковал свое будущее.

Георгий успел прорваться сквозь плотные дорожные пробки, а я умудрился в то же время обзвонить десяток коллег и набрать команду для очередной внеплановой командировки.

И вот мы уже сидим в спартанском салоне небольшого военно-транспортного самолета, взлетевшего с взлетно-посадочной полосы Чкаловского и взявшего курс на север. Нас шестеро. Из опытных пловцов, помимо меня и Устюжанина, в команде еще двое: капитан третьего ранга Михаил Жук и капитан-лейтенант Игорь Фурцев. В этих ребятах я уверен, как в себе. В качестве «прицепа» для обкатки на глубине мною прихвачены два молодых пловца, зачисленные в отряд чуть более месяца назад.

Один из них – старший лейтенант Рогов, высокий шатен с россыпью веснушек на щеках и скулах. До «Фрегата» он служил в школе младших специалистов Черноморского флота в должности старшего инструктора водолазного дела. Неплохой парень, с покладистым и ровным характером, довольно быстро нашел общий язык с нашими ребятами и столь же стремительно овладевает тонкостями профессии боевого пловца.

Второй новобранец – мичман Гарин, прибывший к нам с Балтики. Он коренаст, слегка медлителен, говорок выдает настоящего сибиряка. Мичман – единственный среди новичков, кому приходилось до службы во «Фрегате» ходить на глубину с ребризером.

Оба успешно прошли испытательные тесты и в целом показывают неплохие результаты в постижении азов профессионального дайвинга. Гарин постарше и поопытнее, Рогов – самый молодой на сегодняшний день пловец во «Фрегате». Но это исправимо. Пролетит годика два – психика с навыками окрепнет, и он станет полноправным членом нашей команды.

Как правило, в ответственных командировках нас сопровождает Горчаков, однако в этот раз его задержали в Москве какие-то важные дела. Что поделаешь, у генерала свои обязанности и заботы. Да и задачу сверхсложной не назовешь, случилось и похуже.

После набора самолетом высоты парни достают хороший коньяк, салями, лимончик, шоколад. Я принимаю для порядка сто миллилитров и, поудобней устроив голову на высокой спинке, закрываю глаза. Нет, спать не хочется. Просто, по обыкновению, дословно вспоминаю разговор с шефом и спокойно обдумываю предстоящую работу. Парни знают о моей привычке и не беспокоят...

К моменту окончания средней школы я стал двукратным чемпионом России среди юниоров по подводному плаванию. Скорее всего на этих соревнованиях меня и заметили ребята из засекреченных спецслужб. За три месяца до выпускного вечера я получил вежливое приглашение в Управление КГБ. В душевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в Питерское высшее военно-морское училище.

Помню, тогда я задал единственный вопрос:

– А к подводному плаванию моя будущая служба имеет отношение?

– Только к нему и имеет, – заверил дядька в штатском костюме.

Дав согласие, я примерил курсантскую форму и в течение двух лет постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем лихорадило от реформ и бесконечных переименований. Как только не называли нашу «контору» – КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов первые лица государства наконец-то определились – правопреемницей ФСК стала Федеральная служба безопасности.

Минули еще два года напряженной, но крайне интересной учебы. Сдав государственные экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление в недавно созданный отряд боевых пловцов «Фрегат-22».

– Ты слышал о затонувшем в Баренцевом море рыбацком траулере? – спросил Горчаков во время нашей последней встречи в его кабинете.

– С месяц назад? – уточнил я.

– Да, в конце мая.

– Слышал.

– Его долго искали, а пару дней назад случайно нашли. – Он потянул из пачки сигарету.

– Случайно?

– Да. Другие рыбацки тралом подцепили обломок мачты...

Сергею Сергеевичу Горчакову около шестидесяти. Он руководит одним из департаментов ФСБ, имеет звание генерал-лейтенанта, но форму надевает крайне редко. Горчаков щупл, небольшого росточка; седые волосы обрамляют лицо с правильными чертами. От частого курения его кожа тонка и почти не имеет цвета. Однако внешность мало перекликается с внутренним содержанием: при некоторых недостатках характера он остается великолепным профессионалом и очень достойным человеком. Иногда может наорать, вспылить и даже объявить взыскание – в девяти из десяти случаев это произойдет заслуженно, а в десятом, осознав свою ошибку, не побрезгует извиниться и пожать руку. По сути, он является ангелом-хранителем «Фрегата». Увы, но в нашей работе иногда случаются нештатные ситуации, трагедии и прочие неприятности, просчитать которые заранее невозможно. И каждый раз Сергей Сергеевич едва ли не грудью защищает нас от карающего самодурства чиновников различных рангов.

Я вопросительно уставился на шефа: ну а мы-то при чем?

– Надо сделать несколько ходок, – пояснил он, – осмотреть судно на предмет повреждений, выяснить, целесообразен ли подъем, ну, и... по возможности, найти тела погибших.

Ясно. Обычная рабочая программа с послевкусием трагедии. В таких командировках мы, как правило, ощущаем себя в шкуре похоронной команды. Но деваться некуда – кому-то нужно выполнять эту работу.

– Какова глубина? – задал я последний вопрос.

– По докладу капитана второго траулера – около сотни метров.

Это не праздное любопытство. От значения глубины зависит многое, и прежде всего то, какие смеси и снаряжение брать с собой в неблизкий путь.

Вообще-то мы крайне редко используем в работе акваланги. Разве что когда предстоит сходить на детскую глубину и нет смысла расходовать дефицитные дыхательные смеси с дорогими регенеративными патронами. Основным же рабочим снаряжением является ребризер (re-breathe – повторный вдох) замкнутого цикла с электронным управлением. Это очень дорогой и самый незаметный дыхательный аппарат, в котором выдыхаемый углекислый газ поглощается химическим составом регенеративного патрона. В процессе дыхания смесь обогащается так называемой «донной смесью» (кислородом с дилуэнтном, содержащим воздух или нитрокс, чаще смесь на основе гелия) и снова подается на вдох. Ценность аппаратов подобного класса обуславливается наличием микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины. За счет автоматической дозировки происходит эффективная и быстрая декомпрессия, иной раз не требующая выполнения «площадок». В нижней части ребризера размещен двухлитровый резервный баллон, наполненный обычным сжатым воздухом. Он предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров и поэтому шутливо именуется «парашютом дайвера».

Открываю глаза, бросаю взгляд на стрелки часов. Скоро должны приземлиться на военном аэродроме Североморска.

Приняв немного коньячку, парни успокоились и мирно спят. Свою норму каждый из них прекрасно знает: беспросветно или сильно пьющих в моей команде не было, нет и никогда не будет. Тяжелая, сопряженная с постоянным риском работа боевого пловца требует отличного здоровья и столь же отличного психофизического состояния. А совмещать это с большими дозами алкоголя попросту невозможно.

Снижаемся. Вдохнув, рассматриваю знакомые северные пейзажи. Через минуту ловлю себя на том, что испытываю нехорошее предчувствие...

Можете смеяться, можете не верить, но где-то в дальних закутках моего подсознания издавна обитает безотказный механизм, удивительно точно предсказывающий грядущие события. Кажется, это называют предвидением или предчувствием. Между прочим, неплохая штука! Несколько раз «механизм» спасал мою шкуру, и я чрезвычайно ему признателен. В другие моменты, не связанные с риском для жизни, он тоже работает без сбоев – достаточно прислушаться к самому себе, и он правдиво поведает о ближайшем будущем. Но с одним неизменным условием: если ты трезв и не настроен прикончить самого себя.

– Странно, – шепчу, провожая взглядом вершину лесистой сопки, – что может быть опасного в погружении на сотню метров к затонувшему траулера? Или я просто старею?..

Пока предостережения «механизма» не сбываются – все идет по старому и многократно отработанному плану: внезапный вызов к шефу, краткая постановка задачи, стремительная поездка в аэропорт, дальний перелет, с посадкой в одном из портовых городов России, погрузка на военный корабль. Ну и, конечно же, поход на этом корабле до района предстоящей работы. Случались и другие схемы – более изощренные в части, касающейся нашего передвижения к

месту действия. Но об этом в другой раз, а происходящее с нами сегодня – буднично и привычно.

Итак, долгожданная посадка.

Забив кормовую часть встречавшего нас автобуса сумками со снаряжением, баллонами с дефицитной гелиево-кислородной смесью, столь же дефицитными регенеративными патронами, специальными коробками с оружием, дружно рассаживаемся поближе к водиле. Оружие мы всегда возим с собой. Во-первых, из-за его необычности – где попало таким не обеспечат. Во-вторых, нам доверяют – каждый прошел десятки проверок по линии ФСБ. Наконец, в-третьих, самолеты, на которых нас перебрасывают поближе к районам предстоящих работ, не досматриваются и, как правило, тоже принадлежат Федеральной службе безопасности.

Едем в сторону Кольского залива. Парни зевают и не проявляют интереса к окружающим пейзажам. Все они, за исключением двух дебютантов, многократно бывали в здешних краях, да и смотреть тут особенно не на что – северному «ландшафтному дизайну» даже в разгар лета не достаёт яркости и сочности красок. Грязь и раздолбанные дороги, облезлые лачуги из шестидесятых годов прошлого века, солоноватый запах моря и жиденькая растительность, а в некоторых распадках до конца июля лежат остатки прошлогоднего снега. Летом – надоедливые стоны чаек, зимой – оглушительное безмолвие. В общем, как говорят заносчивые москвичи: глухая провинция, куда забыли завезти секс и новость об отмене советской власти.

Пять минут трясемся по плохой дороге от аэродрома до окраины Североморска, затем петляем по улочкам городка. Наконец подъезжаем к морскому вокзалу. Короткая остановка у КПП военно-морской базы. Кто-то из дежурных офицеров называет водиле номер причала, и автобус плавно движется дальше, оставляя позади длинные пирсы с силуэтами пришвартованных боевых кораблей и судов обеспечения...

У одного из сторожевых кораблей нас уже поджидает группа матросов во главе с розовощеким старлеем.

Моряки дружно принимают наш скарб и перетаскивают по трапу на борт корабля. Ну а мы в сопровождении старшего помощника идем размещаться в каютах, после чего радушные хозяева приглашают в кают-компанию...

За ужином слышим пиликающую по трансляции дудку и строгий голос вахтенного, объявляющего экипажу готовность к бою и походу. В бесчисленных коридорах врубаются пудовые звонки – так называемые «колокола громкого боя», по металлическим палубам громяют тяжелые «гады» – своеобразного вида матросская обувь, корпус содрогается от набирающей обороты машины. Корабль отходит от «стенки»...

К утру следующего дня наш сторожевик, следуя полным ходом, преодолел пару сотен морских миль и прибыл в нужный район.

– Где-то здесь, – задумчиво сообщил командир корабля – молодой капитан третьего ранга. И добавил, кивнув на дисплей навигатора: – Координаты полностью соответствуют тем, что указаны в тексте приказа.

Мы молча оглядывали горизонт под серыми низкими облаками. Погодка была хмурая, но почти безветренная, поэтому море оставалось относительно спокойным.

В рубку заглянул один из сигнальщиков:

- Справа тридцать вижу оранжевый буй!
- Удаление? – схватил бинокль командир.
- Восемь-девять кабельтовых!

С минуту мы по очереди рассматривали ярко-оранжевую точку, то пропадающую, то снова появляющуюся в бело-серой ряби холодного моря.

– Да, похоже на буй, которым рыбаки обозначили находку, – вздохнул я, намереваясь спуститься в каюту.

– Когда приступаем к работе, Евгений Арнольдович?

– Готовьте катер. А мы через полчаса будем со шмотками на юте...

По старой традиции мы оккупируем просторную вертолетную площадку. Авиаторов нет, ангар пуст, и нас никто не стесняет.

Для начала распаковываем багаж, извлекаем самую теплую рабочую одежду, так называемые «сухари» – гидрокombineзоны-мембраны «сухого» типа, полностью изолирующие тело и обеспечивающие длительное пребывание в холодной воде. Многие подводники их недолюбливают из-за сложной, утомительной процедуры одевания и за относительную «жесткость», затрудняющую движения при выполнении работ. Но, как говорится, здоровье дороже, ибо переохлаждение под водой бесследно не проходит. Это факт. Несколько лет назад наши комбинезоны обогревались с помощью носимой на боку аккумуляторной батареи, которая питала небольшие эластичные элементы, спрятанные под ближайшим к телу слоем ткани. Вспотеть данная система не позволяла, да и функционировала от силы минут тридцать. Теперь в снаряжении каждого пловца имеется небольшой баллон с системой аргонного поддува. Баллон крепится слева от ребриреза и соединяется с гидрокombineзоном коротким шлангом. При необходимости пловец нажимает на рычажок клапана и подтравливает газ под комбинезон. Теплопроводность аргона чрезвычайно мала, поэтому тепло человеческого тела расходуется на глубине не столь быстро.

Да, к сожалению, канули в Лету времена, когда мы с гордым удовольствием использовали отечественное снаряжение. Увы, разработка и производство родной «снаряги» безнадежно отстали. Приходится довольствоваться раритетами или покупать передовые образцы у французов, немцев, итальянцев. Жаль, ведь некоторые из наших «штучек», при всей их неказистой топорности, до сих пор по некоторым параметрам остаются непревзойденными.

Перетаскав на площадку снаряжение, начинаем подготовку.

Работа идет слаженно и быстро, ибо делом мы всегда занимаемся молча, ни на что не отвлекаясь. Разговоры и шуточки будут позже – когда выполним задачу и соберемся на палубе. Мокрые, уставшие, довольные. А главное – живые.

Спущенный боцманской командой катер успел сходить к бую, после чего помощник командира доложил, что якорный буй принадлежит рыболовному траулеру, подцепившему тралом обломок мачты.

Стало быть, мы на месте.

Итак, шестерка разбита на три смены. График обычный: одна смена отдыхает после погружения, вторая работает, третья в готовности «№ 1». Сейчас на глубину собирается первая смена во главе с опытным Георгием Устюжаниным, ему в связку я «пристегиваю» мичмана Гарина. Во второй паре Михаил Жук с Игорем Фурцевым – этим ребятам опыта не занимать, да и в паре работают не первый год. Сам готовлюсь пойти третьим, взяв напарником молодого старлея Панина.

Группа заканчивает подготовку к погружению.

Проверяю гидрокombineзоны, подвесную систему. Зная мирный характер экспедиции, оружие решено не брать. Особое внимание уделяю ребризерам: осматриваю целостность дыхательных мешков, шлангов, легочного автомата, байпасных клапанов и автомата промывки дыхательной системы, контролирую давление в заправленных баллонах и наличие свежих регенеративных патронов. Ужасно не люблю красивых фраз, но от исправности и надежной работы всего вышеперечисленного в буквальном смысле зависит жизнь боевого пловца.

Все в норме. Подаю старому другу последний элемент – этакий «символ власти» командира группы боевых пловцов – навигационно-поисковую панель, и подаю Георгию руку:

– С богом!

Он спускается с напарником в катер, а я занимаю место на баночке возле развернутой станции гидроакустической связи...

Глава вторая

Российская Федерация, Москва – Серпухов

Три недели назад

– Простите, – пролепетал Игорь, – но когда это случилось, я находился в каюте. Отдыхал...

– Подобные детали не имеют значения – ваша пара выполняла руководство погружением, и вы вместе с бывшим капитаном третьего ранга Жуком несете ответственность за случившееся, – хмуро отозвался представитель Следственного комитета, продолжая заполнять какой-то бланк.

Капитан-лейтенант Игорь Фурцев сидел на стуле сбоку от огромного письменного стола. Голова его была опущена, взгляд беспорядочно блуждал по надраенному паркету, руки нервно елозили по коленкам.

– Ну что ж, Игорь Федорович, характеристики у вас положительные, ранее к уголовной и административной ответственности вы не привлекались, – продолжал мужчина средних лет в синем форменном кителе с погонами подполковника юстиции. – Посему я не вижу оснований заключать вас под стражу на время следствия.

– Значит, я свободен? – с надеждой посмотрел на собеседника Игорь.

Подполковник усмехнулся и подал лист с угловым штампом и прямоугольником печатного текста:

– Все в этом мире относительно. Я отпускаю вас под подписку о невыезде. Ознакомьтесь и поставьте внизу автограф.

Фурцев прочитал сухие фразы, обязывающие проживать по названному ранее адресу и являться на допросы по первому требованию, вздохнув, взял ручку и поставил внизу убористую подпись. Все-таки возвратиться в подмосковный Подольск к родной тетке было гораздо приятнее, чем париться на нарах в душной камере следственного изолятора.

Следователь протянул бумажку размером с визитку:

– Держите пропуск. Вы, если не ошибаюсь, проживаете у родственницы в Подольске?

– Так точно, – по-военному ответил молодой человек.

– Сейчас отправитесь к ней?

– Да.

– Что ж, желаю удачи.

Взяв бумажку, Игорь нерешительно шагнул по направлению к двери. Взявшись за ручку, обернулся:

– Товарищ подполковник, разрешите вопрос?

– Спрашивайте.

– Какое меня ждет наказание?

Хозяин кабинета снял очки, пожевал губами.

– Все зависит от степени вашей вины, которую еще предстоит выяснить. Уверен, представитель обвинения на суде потребует реальный срок лишения свободы. Небольшой – года три-четыре, но реальный. И, поверьте, судья его обязательно назначит. А теперь извините – мне надо работать. Сегодня вечером я позвоню вам и сообщу дату нашей следующей встречи...

Капитан-лейтенант выходил из кабинета и спускался по лестнице на ватных ногах. Никогда еще он не чувствовал себя так паршиво, как в стенах этого проклятого государственного учреждения. Ведь успел многое повидать и считал свою психику закаленной, неоднократно бывал на таких глубинах, которые здешние сотрудники созерцали только в голливудских филь-

мах. Да и вины за собой не видел. А стоило войти в огромный кабинет и ощутить на себе тяжелый взгляд подполковника, как разом испарилась уверенность, а по спине пробежал неприятный холодок, будто именно он повинен в гибели двух молодых товарищей.

– Нет, – прошептал Игорь, выходя из здания на гранитное крыльцо, – однажды нечто подобное в моей жизни происходило...

Оказавшись на шумной улице, он припомнил, как, играя в футбол на четвертом курсе военно-морского училища, сломал ногу. После матча травматолог с простым именем Вася и незвучной фамилией Мотыга наложил на перелом гипс и подал костыли.

– Можешь забыть о физической подготовке месяцев на пять-шесть.

Попробовав передвигаться с помощью нехитрых приспособлений, Фурцев ощутил всю полноту своей беспомощности.

– Неужели на полгода? – переспросил он с кислой физиономией.

– Увы, – пожал плечами Вася и отчалил из палаты.

Вот и теперь, сделав несколько неуверенных шагов в сторону станции метро, Игорь невольно обернулся на парадные двери, из которых только что вышел.

– Ч-черт, – качнул он головой. – Да в этих стенах и ангел почувствует себя грешником!..

Будто во сне Игорек добрался до вокзала, сел в электричку, следовавшую в Серпухов через Подольск, и проехал несколько остановок. В голове с четкой ритмичностью метронома пульсировали одни и те же фразы, вылетевшие из уст следователя: «...Уверен, представитель обвинения потребует для вас реальный срок лишения свободы. И, поверьте, судья его обязательно назначит...»

– За что? – глядя в окно, едва шевелил губами Фурцев. – Разве от меня что-то зависело в тот роковой день? Разве я мог изменить ход событий?..

Однако, зная особенности национального правосудия, он все отчетливее осознавал, что справедливого вердикта в зале суда не услышит.

Вечерело. Электричка резво бежала по пригороду Москвы, за окнами проплывали кварталы южнобутовских новостроек.

На траверзе Щербинки, когда до знакомого подольского вокзала оставалось несколько минут, Игорек вдруг мысленно смоделировал сочную картинку ближайшего будущего: однообразные бараки за бесконечными рядами заборов и колючей проволоки, вышки с вертухаями, однообразный лай собак, понурые лица собратьев по несчастью...

И вдруг в его голове случилось просветление. «А зачем мне все это: следствие, суды, этапы, колонии с бараками и прочие нервотрепки?! Генерал Горчаков куда-то запропастился – видно, в этот раз помочь не в его силах. Во «Фрегате» мне больше не служить, офицерского звания уже лишили, а приказ об увольнении будет подписан со дня на день, квартиры и военной пенсии не видать, как собственного копчика. Так что же я потеряю, если...»

Он призадумался на несколько минут, рисуя в воображении совсем другую картину. Электропоезд, тем временем снизив скорость, подъезжал к знакомому вокзалу. Металлический голос из динамика объявил о прибытии на станцию Подольск, и часть пассажиров потянулась к тамбурам.

А Фурцев, словно позабыв о цели своей поездки, сидел на диванчике у окна и разглядывал водонапорную башню на привокзальной площади...

Зашипели двери, электричка плавно тронулась. Длинный асфальтированный перрон с табличками «Подольск» остался позади.

Игорь воровато оглянулся. Основная масса пассажиров, ехавших из Москвы, покинула вагон, но человек двадцать остались сидеть на своих местах. Вздохнув, он поднял воротник легкой ветровки и снова уставился в окно...

Несколько минут назад в его голове родилась смелая идея. «А если исчезнуть? Не на неделю, месяц или год, а навсегда?..» – подумал он, потихоньку готовясь покинуть вагон в Подольске. Но борьба законопослушного гражданина и свободолюбивого человека, ненавидящего несправедливость, длилась всего несколько мгновений, после чего Фурцев остался сидеть на месте, лишь проводив взглядом ушедшего по проходу соседа.

– Да, вероятно, это единственный способ остаться на свободе, – тихо прошептал он, расправляя воротник куртки.

В основе родившейся идеи лежала давняя связь с молодой женщиной по имени Татьяна, проживавшей в Серпухове.

Женщин у симпатичного и обаятельного Игорька имелось предостаточно, однако большинство годилось лишь для сексуальных развлечений на вечерок-другой. И лишь единицы из них отличались умом, преданностью и способностью помочь в трудную минуту. Как раз такой и была Татьяна. Подробности знакомства трехлетней давности он успел подзабыть. Кажется, она приезжала в Москву по делам работы, днями пропадала на каком-то предприятии, а теплыми вечерами бродила по городу и паркам. Где-то в районе Лужников они и повстречались. Знакомство завязалось легко, несколько вечеров погуляли вместе, поговорили о всякой всячине, и скоро дело дошло до постели. Однако близость не остудила интереса молодого повесы – после той незабываемой ночи он продолжал ей звонить, и они изредка встречались.

Родной брат Татьяны также жил в Серпухове, недалеко от старинной церквушки. Он владел солидной станцией технического обслуживания автомобилей и был весьма преуспевающим бизнесменом. Ремонт дорогих иномарок помог ему обзавестись обширными связями и влиятельными знакомыми. Вот на эти-то связи и рассчитывал Игорек, задумав исчезнуть из поля зрения следователей и затаиться на время у Татьяны.

На перрон серпуховского вокзала он ступил около десяти вечера, когда небо уже основательно потемнело, а вокруг зажигались желтые фонари. Вереница из полутора сотен попутчиков на привокзальной площади постепенно растаяла. Оглянувшись по сторонам и сунув ладони в карманы куртки, бывший пловец зашагал к улице Володарской, где возвышалась церквушка...

Встречи с сотрудниками правоохранительных органов в его планы не входили, посему до дома подружки он намеренно шел дворами, избегая освещенных и многолюдных улиц.

Наконец из-за крыш одноэтажных построек появился купол церкви Успения Богородицы. Игорь свернул в знакомый проулок и еще разок оглянулся по сторонам...

Никого.

Успокоившись, он двинулся к скромному домику, огороженному деревянным забором. До заветной калитки оставалось не более тридцати шагов.

«Позвонить, что ли? – нащупал Фурцев в кармане сотовый телефон. – Или не стоит... Вон и свет горит в окнах зала...»

Остановившись у воротного столба, он уже поднял руку к клавише звонка, как вдруг услышал шум автомобильного двигателя.

– Черт! – прошептал беглец, приметив свернувший в проулок автомобиль. – Успеть бы...

Нажав на клавишу, он намеренно отвернулся от слепившего света фар. Машина медленно ехала по узкой дороге, аккуратно объезжая грязные лужи.

За забором послышались шаги.

«Скорее, скорее!» – поторапливал про себя Игорь.

Замок заскрежетал, когда автомобиль поравнялся с калиткой. Поравнялся и неожиданно остановился. Двигатель умолк.

Продолжая давить на кнопку, Фурцев осторожно повернул голову...

И обомлел. Сзади стоял полицейский «уазик».

Тихо скрипнув, открылась калитка. На пороге стояли незнакомые мужчины.

– Заходите, Игорь Федорович, – ядовито улыбался один из них. – Давно вас поджидаем... Во дворе не было ни Татьяны, ни ее брата. Зато незнакомцы, пригласившие Игоря войти, вели себя по-хозяйски.

– Прошу, – предложил подняться по каменному крыльцу все тот же одетый с иголки мужчина лет сорока.

Он был светлокож, рыжеват и внешне мало отличался от заурядного жителя средней полосы России. Однако приличный акцент выдавал в нем кавказские корни. Двое крепких вышколенных парней молчали и ходили за хозяином хмурыми теньями.

«Охрана, – сразу догадался Игорь. – Но кто же этот тип?! На мента не похож... Неужели из ФСБ? Кажется, я серьезно влип!»

В гостиной Татьяны тоже не оказалось.

– Присаживайтесь. Не желаете ли выпить коньячку с дорожки? – все так же улыбался и коверкал русский язык кавказец.

– Не откажусь, – согласился Фурцев, решив потянуть время.

Указав на кресло у журнального столика, мужчина спохватился:

– Кстати, меня зовут Заурбек Адамович. Если хотите, можем сразу перейти на «ты».

Капитан-лейтенант сел в кресло, мимолетно огляделся.

Два амбала остались стоять возле выхода. Столик был скромно сервирован для деловой встречи: бутылка коньяка, пара коньячных бокалов, тарелка с фруктами и пепельница. В углу гостиной беззвучно мерцала небольшая телевизионная панель, которую пару лет назад Игорек преподнес Татьяне в подарок на день рождения.

«Да, на ментов ребята не походят, но работают под прикрытием полиции, – снова отметил он про себя. – Значит, бандиты. И им определенно что-то от меня нужно...»

– Можем и на «ты», – потянулся он за своим бокалом. – Но хотелось бы прежде узнать: кто ты?

Кавказец неторопливо глотнул коньяк.

– Об этом позже – сразу после того, как ты дашь согласие немного поработать на меня.

– Поработать? Кем?

– Брось, Игорь, мне известно о тебе все.

– Что значит «все»?

– Я изучил твою биографию и личное дело – от первой до последней страницы. Могу вкратце пересказать.

Фурцев не ответил.

– Что ж, слушай, – вполне доброжелательно улыбнулся незнакомец. – Только я опушу твою юность – там ничего занятного нет.

– Валяйте...

– После окончания Военно-морского училища имени адмирала Макарова ты служил в спасательной бригаде под Владивостоком. Потом, как одного из лучших пловцов, тебя зачислили в штат «Фрегата», где ты и проходил службу до последнего времени. Короче говоря, мне хорошо знакомы все ступени твоей карьеры. Более того, я даже знаю поименно всех девочек, с которыми ты близко общался в последние лет пять-шесть. Кстати, хозяйка этого дома – кажется, Татьяна – оказалась крепким орешком! Ни за какие посулы не хотела о тебе рассказывать.

– Что с ней? – глухо произнес Фурцев.

– Не волнуйся – она в порядке. Я не желаю зла ни тебе, ни ей, ни ее брату.

– Где она?

– Показывает моим людям местные достопримечательности. Вернется сюда сразу, как только мы договоримся. Более того, если ты дашь согласие, я оставлю тебя с этой красавицей,

выплату неплохой аванс и займусь изготовлением новых документов. Ты ведь именно это хотел попросить у ее брата, верно?

Несколько секунд Фурцев изумленно глядел на визави.

Каким образом незнакомец получил доступ к личному делу боевого пловца из засекреченного «Фрегата»? Откуда он знает о многочисленных подружках и о Татьяне? Ведь о них нет ни строчки даже в личном деле! А самое главное, как он смог просчитать его намерения?..

– Что вам от меня нужно? – облизнул он сухие губы.

– Всего лишь согласие на мое предложение поработать, – терпеливо повторил кавказец.

– А если я не соглашусь?

Заурбек Адамович поднялся с кресла, медленно подошел к окну гостиной и, отодвинув штору, выглянул на улицу.

– Если не согласишься, поедешь в Москву с ментами. Вон они стоят, родимые, – ждут окончания наших переговоров. Они ведь ради «галки» в графе «задержания» из шкуры вылезут. А господин в судейской мантии накинёт тебе за попытку побега, и получишь ты вместо обещанных следователем трех-четырёх лет все шесть или восемь. Ну, так как, Игорь Федорович?

Игорь Федорович раздумывал около минуты. За это время он успел подойти к соседнему окну и посмотреть сквозь мутноватое стекло. За забором перед воротами все так же стоял полицейский «уазик», возле его открытых дверей курили и о чем-то переговаривались трое сотрудников полиции.

– Что за работа? – спросил он, возвращаясь к столику.

– Ничего сложного – несколько погружений на глубину около двухсот метров. За это ты получишь очень приличную сумму в долларах или евро и новый паспорт гражданина любой страны.

– Любой?

– Какой пожелаешь. Для меня и моих связей – это дело двух-трех дней.

Игорь тяжело вздохнул: в конце концов, предлагаемый кавказцем вариант был гораздо лучше поселения в СИЗО или колонии общего режима и немного приятнее пучины неизвестности, в которую обрекал вариант с изготовлением липовых документов братом Татьяны.

– Хорошо, – выдал он. – Я согласен...

Глава третья Российская Федерация, Баренцево море Около месяца назад

– Скат, я – Ротонда. Как меня слышно?
– Ротонда, я – Скат, связь в норме.
– Как условия?
– Видимость в норме, температура в верхнем слое одиннадцать градусов, слабое южное течение.

– Понял.
– Приступили к погружению.
– Удачи...

Позывной Скат присваивается старшему рабочей смены. Если под водой одновременно находятся две смены – Скатом остается работающая на глубине пара, а та, что выше, зовется Барракудой. Ротонда всегда остается Ротондой, ибо это – позывной руководителя спуска, который всегда находится на берегу или располагается на палубе судна.

Моя пара идет в воду последней, а посему я сижу у гидроакустической станции и контролирую спуск по докладам Георгия Устюжанина. Погружение идет по плану без каких-либо отклонений.

– Ротонда, я – Скат. Глубина сорок, видимость хорошая, – информирует он.
– Объект видишь? – интересуюсь я.
– Панель включена, объекта на экране пока нет.

Жаль. Стало быть, придется поискать. Впрочем, Жора наверняка производит погружение, не выпуская из виду фал сигнального буйа. Искать затонувшее судно придется в том случае, если буй сброшен рыбаками траулера не совсем точно над целью.

В своей работе мы используем панель «P-SEA». Панель имеет цветной экран, отображающий хорошую картинку со сканирующего гидролокатора кругового обзора. Прибор немного тяжеловат – в воде его вес составляет около трех килограммов, зато он отлично видит в радиусе до сотни метров: рельеф подстилающей поверхности, движущиеся и статичные объекты, относительно крупные предметы, группы водолазов... Все это пеленгуется и графически отображается на экране с выводом данных о геометрическом размере объекта, дистанции до него, пеленге, высоте расположения над грунтом. Навигационно-поисковая панель – настоящая палочка-выручалочка для нашего брата, особенно при затрудненной видимости под водой или при выполнении скрытных задач, когда высовываться на поверхность опасно.

– Ротонда, я – Скат, – снова зовет друг.
– Скат, Ротонда на связи.
– Достигли дна. Наблюдаем якорь фала. Траулера поблизости нет.
– А на экране панели?
– Тоже пусто.

Ну, вот и первые сложности. Вспомнив о течении, я советую сместиться первой паре к северу.

Через несколько минут раздался радостный голос Георгия:

– Ротонда, есть контакт! Лежит, родимый, в двухстах метрах от якоря с фалом.
– Скат, как температура?
– Терпимо. На глубине, по показанию компьютера, семь с половиной градусов, – бодро рапортует Георгий. – Сейчас осмотрим «рыбачка» и потихоньку пойдем наверх...

Благодаря жаркому лету температура воды в Баренцевом море держится вполне сносной. Семь с половиной градусов – не самый худший вариант из тех, что нам доводилось испытывать на собственной шкуре. Многослойные гидрокombineзоны мембранного типа в сочетании с толстым тинсулейтовым нательным бельишком неплохо спасают от холода, но чертовски затрудняют движение. Работать на глубине в такой одежде тяжело, неудобно и утомительно, поэтому смены сокращены до минимума.

Через несколько минут динамик станции снова гудит голосом товарища:

– Ротонда, я – Скат. Осмотр закончили, приступаем к подъему.

Мы настолько давно знакомы с Георгием, что я легко распознаю его настроение по интонациям. На этот раз он чем-то расстроен.

Интересуюсь, забыв про формальности радиообмена:

– Что там, Жора?

– В двух словах не опишешь. Расскажу на поверхности...

Самая неприятная из картин Репина, – поднявшись с катера на борт корабля, говорит Устюжанин. – Глубина подтвердилась – около ста метров, но дно неровное. Вероятно, в этом месте донное возвышение, а вокруг него рельеф резко уходит вниз. Траулер стоит на ровном киле на самом краю довольно глубокой впадины. Обойдя его со всех сторон, я даже удивился, почему он не сполз в нее сразу. Осматривая корму, понял: лопасти гребного винта пропахали ил до твердого скального грунта, зацепились за скалу и удержали судно от дальнейшего падения.

Скребу подбородок. Ситуация действительно не из приятных. Обшаривать судно, которое в любую минуту способно сорваться в подводную пропасть – дело весьма рискованное.

– Тел поблизости не обнаружил?

– В радиусе пятнадцати-двадцати метров тел нет, только мелкие обломки оснастки и такелажа.

Отдышавшись и освободившись от гидрокombineзона, мой товарищ садится рядом:

– Что скажешь?

– Думаю, следует сделать так: сейчас отправлю вниз Жука с Фурцевым, пусть хорошенько изучат пространство в радиусе метров шестьдесят-семьдесят.

– Внутри судна непустишь?

– Нет.

– Неужели полезешь внутрь сам? – настороженно спрашивает Георгий.

– Не знаю. Буду действовать по обстоятельствам...

Вода, как мы выражаемся, чище анализов младенца. Взвеси – планктона и неорганики – практически нет, горизонтальная видимость составляет около пятидесяти метров. Но это там, где хорошая освещенность. А на приличной глубине, куда почти не проникают лучи северного, низко висящего над горизонтом, солнца, видно только то, что освещают штатные фонари.

Мы с молодым Роговым не спеша опускаемся к последнему пристанищу небольшого рыболовецкого траулера. Перед погружением я проинструктировал молодого напарника, и тот строго выполняет приказ – постоянно держит визуальный контакт со мной, сохраняя дистанцию в два-три метра.

Полчаса назад закончилась рабочая смена Михаила Жука и Игоря Фурцева. Облазив приличное пространство вокруг затонувшего судна, мои парни отыскивали и поднимали на поверхность тело лишь одного рыбака. Всего же в день трагедии на борту находился экипаж из семи человек. Значит, есть надежда отыскать остальных внутри старой посудины.

Погружаемся. Изредка беспокоит вопросами Устюжанин, сменивший меня на баночке у станции гидроакустической связи.

Пятьдесят метров. Шестьдесят. Семьдесят...

Наконец яркое пятно фонарного луча выхватывает из темноты борт «рыбачка». Это небольшой двухпалубный траулер, построенный во второй половине двадцатого века. При жизни он имел светло-серый окрас корпуса и грязно-белую ходовую рубку с ржавыми потеками. Судно стоит на ровном киле, однако дифферент на нос составляет градусов тридцать пять – сорок. Носовая часть корпуса буквально висит над резко обрывающимся рельефом. Нос прилично изуродован, но это всего лишь последствия удара о грунт. Место соприкосновения судна с грунтом мы с Роговым легко находим выше, метрах в пятнадцать по глубокому следу, оставленному килем в вязком илистом дне.

Для осмотра кормовой части мне хватает одной минуты, после чего я убеждаюсь в правоте Устюжанина: траулер действительно чудом удержался на краю подводной пропасти, зацепившись изогнутыми лопастями гребного винта за каменистое основание грунта.

«Сколько он продержится в таком положении? – рассуждаю я, осторожно двигаясь к надстройке. – Как знать... Возможны два варианта. В первом – несчастная посудина будет гнить много лет, зависнув над бездной, покуда не разрушится вал винта или не отвалятся лопасти. Во втором случае судно дождетсa слабого подземного толчка или изменения параметров подводного течения. Любое из вышеназванных явлений моментально толкнет его вниз, и самое отвратительное заключается в том, что произойти это может в любую секунду...»

– Ротонда, я – Скат, – зову Устюжанина.

– Скат, Ротонда на связи, – тотчас откликается он.

– Принял решение оставить напарника снаружи. Сам пройду внутрь надстройки.

– Понял. Будьте предельно осторожны.

– Постараемся...

Знаком приказываю Рогову отойти на безопасное расстояние от левого борта судна. Тот беспрекословно подчиняется.

Освещая путь фонарем, прохожу вдоль рубки. Я знаком с проектом этих простеньких рыбацких судов и точно знаю, что в задней части рубки имеется закрытый трап, ведущий на нижнюю палубу. Ага, вот траловая лебедка, а неподалеку небольшая овальная металлическая дверь.

Хватаюсь за рычаг запора, нажимаю.

Бесполезно. Вероятно, кто-то из членов экипажа заблокировал дверь изнутри во время шторма. Что ж, эта мера объяснима: борта у суденышка невысокие, и все двери с иллюминаторами во время непогоды, согласно инструкциям, должны наглухо задраиваться.

Иду к носовой части надстройки – там должен быть еще один вход. В крайнем случае, заберусь внутрь через выбитые окна ходовой рубки.

Боковая дверца также оказывается запертой.

– Ладно, – ворчу я, освобождая оконный проем от торчащих осколков стекла, – попробую протиснуться...

Внутри тесной рубки плавают мелкий мусор и множество вещей: ветошь, листы из судового журнала, обувь, рукавицы, сломанный веник...

Луч моего фонаря обшаривает небольшое пространство и довольно скоро натывается на тело пожилого мужчины, одетого в брезентовую куртку. На его голове зияет рваная рана. Скорее всего это капитан.

«Понятно, – заканчиваю осмотр. – Ударом волны суденышко подбросило, бедолага обо что-то приложился виском, и это стало причиной смерти».

Понимая, что любое резкое и неосторожное движение может окончательно столкнуть судно в подводную пропасть, плавно приоткрываю металлическую дверцу, ведущую на нижнюю палубу.

Дверь поддается, но только наполовину. Просунув голову внутрь прохода над трапом, освещаю узкую кишку и замечаю еще одного члена экипажа. Раскинув руки, в начале коридорчика под потолком «парит» молодой парень в свитере и джинсах.

Поразмыслив, принимаю решение покинуть траулер, прихватив с собой труп капитана. Во-первых, одному мне с дверью не совладать, а во-вторых, на здешней глубине все-таки холодно – вроде и смены короткие, но продрогнуть успел до костей, даже аргонный поддув не помогает.

Рогов уже беспокоится. Увидев меня, плывет навстречу и подхватывает ношу. Вдвоем мы медленно начинаем подъем, бережно поддерживая с двух сторон тело погибшего человека...

На поверхности встречает командирский катер. Приняв тело капитана, парочка матросов помогает нам взобраться на борт и освободиться от тяжелых ребризеров. Через несколько минут мы на палубе сторожевика.

– Товарищ капитан второго ранга, каков дальнейший план? – вертится рядом помощник командира корабля.

– Двухчасовой перерыв, – устало присаживаясь на баночку, говорю я. – Нужно пообедать, согреться, отдохнуть. И хорошенько подумать...

Заняв места за длинным офицерским столом, мы ждем, пока вестовые разнесут тарелки с горячим борщом. Не теряя времени, я вкратце рассказываю товарищам о том, что довелось увидеть в рубке и машинном отделении.

– Итого, найдено трое... – ломая хлеб, задумчиво произносит Георгий.

– А где же еще четыре тела? – таращит глаза Рогов. – Ведь всего было семеро!

– Мы не проверили камбуз, столовую, кубрик и машинное отделение, – поясняю молодому пловцу. – К тому же их вообще может не оказаться на борту. Траулер затонул во время жесточайшего шторма – не исключая того, что люди попросту попадали за борт.

Дальнейший обед протекает в тишине – молодежь помалкивает и ждет нашего решения.

Пододвинув стакан с чаем, оглашаю вердикт:

– Следующими на глубину идут две пары: моя и Устюжанина, Жук руководит спуском. Панин с Роговым ждут возле траулера, мы с Георгием идем внутрь, вытаскиваем с нижней палубы тело молодого парня и проверяем оставшиеся помещения.

Допивая чай, посматриваю на друга. Встретившись со мной взглядом, тот кивает:

– Нормальный план. Думаю, справимся...

Глава четвертая

Российская Федерация, Юго-Западный округ Москвы

Около трех недель назад

– Значит, руководство погружением было полностью возложено на вас. Я правильно понимаю? – сдвинув густые брови, уставился на подследственного мужчина средних лет в синем форменном кителе с погонами подполковника юстиции.

Капитан третьего ранга Михаил Жук сидел на том же стуле, где несколькими днями раньше отвечал на вопросы его сослуживец – Игорь Фурцев. Сбоку от него стоял огромный письменный стол, заваленный документами. За столом восседал представитель Следственного комитета.

– Да, – глухо отозвался Михаил, – погружением двух пар руководил я.

– Почему вы не запретили Черенкову идти внутрь судна?

– Я руководил спуском. Решение идти внутрь принимал командир «Фрегата» накануне – на борту сторожевика. У меня не было полномочий вмешиваться и тем более запрещать это погружение – я всего лишь боевой пловец, имеющий некоторый опыт.

Губы подполковника скривились в усмешке. Что-то написав в бланке допроса, он откинулся на спинку кресла.

– Так-то оно так. Только ответить за смерть двоих человек вам все равно придется.

Вздыхнув, Жук молча кивнул. Взгляд его зацепился за одну точку на краю плитуса, руки безвольно покоились на коленях. Еще неделю назад он жил полноценной жизнью, мечтал, строил планы на отпуск. После недавних событий будущее померкло, и о завтрашнем дне он предпочитал не думать.

– Скажите... – вновь склонился над бумагами следователь, – как складывались отношения у командования «Фрегата» с молодым пополнением?

– Обыкновенно складывались, – пожал плечами Михаил. – Капитаны второго ранга Черенков и Устюжанин обучали их тонкостям нашей работы: проводили индивидуальные занятия, тренировки, тестирования. И даже на глубину для выполнения серьезной работы брали в качестве напарников, чтобы и там приглядывать за ними, опекать, натаскивать в боевых условиях.

– Натаскивать, говорите? А не кажется ли вам, что в последнем погружении, закончившемся трагедией, им следовало бы воздержаться от воспитательной работы и взять на глубину более опытных товарищей?

– Уверен, если бы они знали, чем закончится роковая ходка к траулеру, вообще отменили бы спуск, – вновь тяжело вздохнул капитан третьего ранга.

– Увы, правосудие, равно как и история не терпит сослагательного наклонения. Случилась трагедия из-за халатности руководства Особого отряда боевых пловцов, и теперь мы обязаны выявить степень виновности каждого из причастных к должностному преступлению.

– Что же со мной будет?

– Поверьте, условным сроком вы не отделаетесь. На какой именно срок вас осудят – на четыре, пять или шесть лет заключения в колонии общего режима, – решит суд. А пока... – подполковник полистал личное дело подследственного, – пока, Михаил Афанасьевич, я принимаю решение отпустить вас под подписку о невыезде. Характеристики у вас положительные, ранее к уголовной и административной ответственности не привлекались, посему не вижу оснований в заключении под стражу. Ознакомьтесь и распишитесь внизу. Вот здесь... – Следо-

ватель подвинул к краю стола заполненный бланк и ткнул пальцем на свободную строку возле даты.

Бывший боевой пловец пробежал глазами текст, обязывающий проживать по месту прописки и являться на допросы по первому требованию, вооружившись авторучкой, поставил внизу подпись и поднялся со стула:

– Я могу идти?

– Конечно. Возьмите пропуск – предъявите на выходе охране, – протянул небольшой бумажный прямоугольничек следователь.

Понурился, Жук поплелся к выходу из кабинета, но уже у самой двери следователь окликнул его:

– Михаил Афанасьевич!

– Да, – обернулся тот.

– Один из ваших коллег, также отпущенный мной под подписку о невыезде, изволил пропасть из поля зрения и в ближайшее время будет объявлен в розыск. Мы обязательно найдем его, посадим в следственный изолятор, а мера наказания на суде последует куда более жесткая. Пожалуйста, не повторяйте подобных ошибок. А чтобы у вас не появился соблазн, я заранее сообщаю дату нашей следующей встречи: вы обязаны явиться ко мне на допрос завтра в одиннадцать утра...

Волнение слегка отпустило после первой же рюмки водки в незнакомом ресторанчике на окраине Москвы, о неказистое крыльцо которого Михаил едва не споткнулся. К спиртному он всегда был равнодушен – как-никак, с младых лет увлекался автомобилями и спортом, однако после погружений не чурался поддержать традицию «Фрегата» и усугубить граммов двести крепкого алкоголя. «Мы не пьем, а восстанавливаем моральный дух!» – часто говаривал капитан второго ранга Устюжанин. Как ни странно, но в его словах содержалось разумное зерно: какой бы трудной ни случилась работа на глубине, а после двух-трех рюмок напряжение с усталостью уходило.

Спустя полчаса за столик Михаила подсел седовласый старик, представившийся Игнатом Матвеевичем и моментально очаровавший морского офицера мягкими манерами, умением слушать и убедительно говорить. Наполнив рюмки хорошим коньяком, он дружелюбно поинтересовался:

– Кажется, вы чем-то расстроены?

Тот вздохнул, проглотил коньяк и решил поделиться своими печальми...

Слушая длинный рассказ, незнакомец сопереживал и удивленно вскидывал кустистые брови, но при этом не забывал разливать по рюмкам крепкий алкоголь.

– Да-а... – протянул он, когда Жук озвучил решение подполковника из Следственного комитета. – Стало быть, вы – боевой пловец?

– Был таковым до недавнего времени.

– Ну что вы, молодой человек! Представители таких редчайших и опасных профессий уходят в запас только по достижении предельного возраста или вследствие ухудшения здоровья!

– Разве? – одарил визави недоуменным взглядом Михаил.

– Поверьте моему богатому жизненному опыту. Давайте-ка выпьем за ваше здоровье – оно вам еще не раз пригодится.

Они выпили. А спустя четверть часа память и координация Михаила стали давать сбои...

Очнувшись утром в незнакомом сумрачном помещении. Зубы отбивали мелкую дрожь, а бока побаливали от жесткой деревянной лавки, на которой он лежал, свесив затекшую правую руку.

– Где я? – с трудом принял Жук вертикальное положение.

– В санатории, – проскрипел чей-то голос с соседней лавки. И со смешком добавил: – В номере люкс. Правда, без вида на море и вообще без всякого вида.

– В каком еще санатории? – изумленно оглядел Михаил серые стены.

– В таком... В камере мы – разве не видишь?

– В камере?! В СИЗО, что ли?..

– Типун тебе на язык! – беспокойно заворочался мужик. – В камере отдела полиции Юго-Западного округа.

– А как я сюда... За что меня забрали?

– Кто ж знает?! Принесли поздно ночью и бросили на пол. Пьяный ты был в стелю. Видать, чего-то натворил...

«Теперь мне точно конец, – с горечью подумал бывший боевой пловец. – Из такой задницы даже Горчакову будет затруднительно меня вытащить...»

Дальнейшая беседа с товарищем по несчастью ясности в ситуацию не привнесла, так что оставалось дожидаться сотрудников полиции. И один из них вскоре появился.

– Эй, ты, – кивнул молодому человеку открывший тяжелую дверь сержант. – На выход!

Понурился и сцепив за спиной руки, Михаил поплелся к двери...

Насмешливо взирая на Жука, майор полиции постукивал резиновой дубинкой по краю стола, недвусмысленно давая понять, что не верит ни единому слову. Михаил называл фамилии сослуживцев, рассказывал автобиографию и историю «Фрегата», клялся и божился в том, что проживает на базе спецотряда боевых пловцов, но... с отчаянием понимал бесполезность своих усилий. Лицо его было слегка опухшим, под глазом красовался синяк, одежда измята и местами перепачкана.

– Красиво излагаешь, только мне нужны факты, – зевнул офицер. – Где твои сослуживцы и командиры? Где другие свидетели? Где документы, подтверждающие твою личность?..

Да, фактов у капитана третьего ранга действительно не было. По заявлению патрульного экипажа, подобравшего поздней ночью мертвецки пьяного молодого мужчину где-то в сквере на окраине Ясенева, его карманы оказались пусты: ни документов, ни мобильного телефона, ни денег.

– А копия? – встрепенулся Игорь.

Дубинка застыла в сантиметре от стола.

– Какая копия?

– Видите ли... Я нахожусь под следствием и... обязан являться к следователю по первому требованию. В моем кармане лежала копия подписки о невыезде!

– Ах, ты еще и под следствием! – громко рассмеялся полицейский.

– Да, к сожалению... И сегодня в одиннадцать я должен быть у следователя.

– И чего только не услышишь от этих алкашей...

Развить мысль майору не дал осторожный стук в дверь. На пороге появился сержант:

– Товарищ майор, к вам посетитель. Пожилой мужчина. Настоятельно просит принять. – Увидев, с каким недовольством поморщился майор, он неприязненно кивнул в сторону Жука и уточнил: – Кажется, по поводу задержанного.

– Ладно, веди...

К огромному удивлению Михаила, в кабинет влетел вчерашний собутыльник – седовласый старичок по имени Игнат Матвеевич.

– Прошу прощения за беспокойство, – с ходу заговорил он, копаясь в карманах легкого пиджачка. – Просто мой товарищ вчера немного перебрал и отдал на хранение все ценные вещи...

Старичок поочередно извлек бумажник, какие-то документы, наручные часы, мобильный телефон и аккуратно разложил на столе перед майором.

Тот в недоумении переводил взгляд с вещей на пожилого мужчину.

– А почему же вы не вернули их раньше?

– Дело в том, что молодой человек как-то неожиданно исчез из ресторана. Ушел в туалет и не вернулся. Я потом искал его, но... – смешно развел руками старик, – но его нигде не было. Я отправился домой, а утром снова приехал к ресторану. Дежуривший неподалеку полицейский сказал, что ночью в отделение отвезли неизвестного молодого человека без документов. Вот я и примчался сюда.

Майор молча полистал паспорт, открыл и осмотрел содержимое бумажника. Затем пожал плечами и обратился к Михаилу:

– Значит, Николаев Антон Львович? А назывался каким-то Жуком Михаилом Афанасьевичем, наплел про следствие и подписку о невыезде. Как же вас понимать?

Ни черта не соображая, Жук покосился на старика и вдруг заметил, как тот незаметно подмигнул: дескать, молчи и соглашайся.

– Простите, товарищ майор, – пролепетал задержанный. – Я редко употребляю спиртное, а вчера действительно перебрал. Наверное, в голове что-то помутилось.

– Благодарите бога за то, что на свете не перевелись честные люди, – поднялся со стула майор. Даже деньги на месте. Сержант, заполните протокол на Николаева Антона Львовича, выпишите ему квитанцию о штрафе и отпустите.

– Молчите, все вопросы потом! – шипел в коридорах отделения полиции старик.

Миша плелся следом, рассматривал новенькие документы со своей фотографией, но чужой фамилией и перебирал в голове возможные варианты случившейся метаморфозы. Однако голова соображала плохо, а перед глазами, словно голография из фантастического фильма, возникала запотевшая кружка разливного пива.

Покинув здание отделения, мужчины прошли до угла улицы и свернули в проулок.

– Объясните наконец, что происходит?! – взмолился боевой пловец.

– Видите темную иномарку, припаркованную через дорогу? – чуть склонив голову, спросил старик.

– Да, вижу.

– Внутри сидит ваш благодетель. Он ждет вас и готов ответить на все вопросы...

Сказав это, старик засеменял прочь. Михаилу же ничего не оставалось, как подойти к иномарке. Надо же было выразить элементарную человеческую благодарность и разобраться с документами...

Усевшись в большой автомобиль с затемненными стеклами, Жук поначалу растерялся – в салоне оказалось аж три человека: два здоровых парня, сидевшие впереди, и рыжеватый мужчина лет сорока, удобно расположившийся сзади.

– Доброе утро, – поприветствовал он с заметным кавказским акцентом и радушно улыбнулся: – Можешь называть меня Заурбек Адамович.

– Михаил, – представился капитан третьего ранга.

– Тебе лучше забыть старое имя. По крайней мере, на ближайшее время, – театрально понизил голос кавказец.

– Почему?!

– Во-первых, вчера у тебя вытащили из карманов все, включая документы. И на их восстановление уйдет слишком много времени.

Вздохнув, Жук кивнул: так и есть.

– Во-вторых, – продолжал кавказец, – в твоей жизни наступил серьезный перелом, ведь военная карьера закончена, гражданской профессии нет. Наконец, третье – самое неприятное: ты находишься под следствием и, по мнению моих юристов, тебе «светит» реальный срок. Сравнительно небольшой – от четырех до шести лет, но реальный.

Миша призадумался. «Спаситель» сыпал очевидными фактами, аргументов против которых попросту не находилось. К тому же он только что назвал срок заключения от четырех до

шести лет, в точности повторив прогноз следователя. Это уже был второй звоночек, оповещающий о скором прощании со свободой.

– Даже не знаю что сказать... – пролепетал он. И попросил: – Дайте сигарету.

– Ты же боевой пловец и никогда не курил! – весело воскликнул Заурбек Адамович, протягивая раскрытую пачку.

Жук подпалил трясущийся кончик сигареты, нервно затянулся.

– Откуда у вас эта информация? – закашлялся он, выдыхая дым.

– Я многое о тебе знаю, иначе не стал бы вытаскивать из ментовки.

– Значит... вы спасли меня с определенной целью?

– Признаюсь честно, я имею на тебя некоторые виды. А конкретно, хочу, чтобы ты воспользовался новыми документами и помог в одном деле.

– В каком?

– Много сказать не могу – подробности узнаешь позже. Скажу главное: твоя работа будет связана с погружениями на глубину, а заплатят тебе за нее столько, сколько ты не заработал за все время службы в Военно-морском флоте. Ну, так что, согласен?

Играя желваками, несколько долгих секунд Михаил глядел в окно...

«Что произойдет в случае моего отказа? – мучительно раздумывал он, позабыв о головной боли. – Даже если этот человек великодушно оставит мне липовые документы – куда я подамся и что буду делать? Ну, допустим, уеду подальше из Москвы, устроюсь автослесарем на СТО. Пожалуй, это единственный вариант, но... ни жилья, ни родственников, ни друзей. И самое отвратительное заключается в том, что до самой смерти придется жить в страхе. Точнее, не жить, а существовать, всякий раз вспоминая о прошлой жизни и жалея об упущенной возможности...»

– Кстати, – как бы между прочим, заметил собеседник, – кое-кто из ваших товарищей по «Фрегату» уже согласился сотрудничать со мной, так что вы можете составить им компанию.

Жук заинтересованно посмотрел на кавказца. Известие о товарищах воодушевило и придало уверенности.

– Что ж, в таком случае согласен и я...

Глава пятая

Российская Федерация, Баренцево море

Около месяца назад

Перерыв закончен.

Мы пообедали, согрелись, отдохнули и, снова надев довольно неудобные многослойные гидрокombineзоны, готовимся отправиться на глубину двумя парами. Я иду с Роговым, Устюжанин с Паниным. Жук руководит спуском, а его напарник – Игорь Фурцев – отдыхает. К сожалению, никто из нас не знает, сколько предстоит совершить ходок на глубину, поэтому необходимо восстанавливать утраченные силы.

Десантируемся с катера, проверяем связь с Ротондой и плавно погружаемся в пучину. С глубины семьдесят метров лучи фонарей уверенно нащупывают обломанную мачту погибшего траулера.

Опустившись до уровня торчащей кверху кормы, делаем «круг почета» – еще один осмотр для спокойной работы внутри судна никогда не помешает.

Нет, за время нашего отсутствия положение траулера не изменилось, и корпус все так же прочно сидит в рыхлом грунте, зацепившись лопастями гребного винта за скальное основание.

Выбрав место на безопасном расстоянии от левого борта, приказываю:

– Панин и Рогов, ждете нас здесь. Как поняли?

– Поняли, ждем здесь, – дружно отвечают дебютанты.

– Пошли... – киваю я Георгию.

Оставив молодежь снаружи, вползаем в ходовую рубку через разбитое окно. Здесь по-прежнему плавают крупный и мелкий мусор.

«Туда», – показываю на полуоткрытую дверцу.

Вдвоем мы с предельной осторожностью справляемся с заевшими петлями. Путь свободен.

Вплываю в узкий коридор первым, Георгий не отстает.

Видимость на нижней палубе еще хуже, чем в рубке, – помимо мусора, вода изрядно загрязнена мазутом и маслами, вытекшими из дизеля, откуда он кувырчался по склону.

Парень в свитере и джинсах все так же, раскинув руки, парит под потолком. Кто он? Механик или простой рыбак, отдохавший от вахты?

Неважно. Главное, поднять его на поверхность. Там разберутся.

Протолкнув тело вверх по коридору, начинаем обследовать небольшую палубу, состоящую из нескольких крохотных помещений: матросского кубрика, каюты капитана, камбуз и столовой. Все они отделены от коридорчика стандартными деревянными дверками. Самый большой отсек в кормовой части палубы – машинное отделение. Рядом с машиной находим трап, ведущий на верхнюю палубу. Трап венчается металлической овальной дверцей, запорный механизм которой не поддавался мне при попытке открыть снаружи.

Обследуем машину – дверца в этот отсек открыта настежь, словно приглашая нас начать «экскурсию» именно с него. Под потолком отсека темнеет полуметровый слой из нефтепродуктов. Ошметки этой же адской смеси плавают повсюду, оставляя на стеклах полнолицевых масок коричневые маслянистые разводы.

Буквально на ощупь обшариваем пространство вокруг дизеля...

Ничего.

Покидаем машину и последовательно проверяем каюту капитана, камбуз, столовую...

Все помещения пусты, если не считать плавающего мусора. Остается кубрик. Обычно на таких судах он представляет собой квадратную каюту с жестко прикрепленными к полу кроватями в два яруса.

Деревянная дверь не поддается. Неужели заперта?

– Смотри, кто-то лупил тяжелым острым предметом, – показывает на дверное полотно Георгий.

– Верно, – разглядываю следы ударов. – Свежие. А вон и топор...

Прямо под нами лежит красный топорик, явно снятый с противопожарного щита.

Постепенно мы восстанавливаем картину последних минут жизни траулера. Скорее всего дверь заклинило – от удара огромной волны или по какой-то другой причине. Поняв, что судно тонет, механик (молодой парень в джинсах) выскочил из машины в коридор и услышал крики товарищей, не успевших выбраться из кубрика. Сорвав с пожарного щита топор, он пытался сломать дверь, но... не успел.

Стало быть, в кубрике точно остались тела погибших рыбаков.

Подбираю топор, вставляю его лезвие между косяком и дверью. Резких движений производить нельзя – мы хорошо помним, что судно висит на краю подводной пропасти. Посему я осторожно тяну топориче, а Георгий помогает, легонько толкая полотно внутрь...

Раза с пятого или шестого дверь поддалась. Однако дальше произошло то, чего мы никак не ожидали, – она с громким щелчком ушла внутрь кубрика, и в тот же миг из верхней части проема в коридор хлынули огромные пузыри воздуха. А точнее, того газа, которым дышали перед смертью несчастные рыбаки...

Пузыри с шумом вырывались из кубрика и, поблескивая в лучах светивших фонарей, устремлялись по коридорному потолку в сторону задранной кормы. Мы растерянно смотрели на волшебное действо, и пришли в себя только через пару секунд, ощутив движение судового корпуса. Это была серия толчков, сопровождавшаяся жутким скрежетом.

– Валим отсюда! Забирай того парня, и валим! – хватаю я друга за руку.

Устюжанин подхватывает тело, медленно выплывающее из кубрика, а я уже работаю ластами, двигаясь к парящему под потолком механику.

– Где будем выходить? – слышится голос Георгия.

Ответить я не успеваю – судно с устрашающим ускорением заваливается на левый борт. Вероятно, закупоренный в кубрике воздух каким-то чудом помогал траулеру сохранить шаткое равновесие на ровном киле. Выпустив «балласт» наружу, мы лишили его этой мизерной поддержки.

– Через корму – так ближе! – кричу я в тот момент, когда корпус окончательно ложится на левый борт.

Лег, плавно подскочил и медленно пополз вниз. Мы понимали это по страшному скрежету, из-за которого буквально закладывает уши.

Корпус дергает, дрожит, скрежещет. Удары о грунт следуют один за другим, и траулер, судя по всему, все быстрее скользит к пропасти. А мы, яростно работая конечностями, плывем к спасительной овальной дверце, которую еще предстояло открыть. К тому же каждый из нас тащит за собой по безжизненному телу...

И вот перед нами короткий трап, упирающийся в дверцу с простейшим запорным механизмом. Именно сюда устремился выпущенный из кубрика воздух. Его набралось прилично – уровень воды колыхается ниже правой стенки сантиметров на тридцать.

Нажимаю на рычаг и резко толкаю ржавый металл.

Бесполезно.

Но почему?! В чем дело?!

Экипаж траулера безусловно пользовался этим выходом, ведь сразу за ним на палубе размещена траловая лебедка и прочие рыбацкие штучки!

На время оставив тела рыбаков, вместе наваливаемся на проклятую крышку.

Снаружи скрежет и грохот. Ударяясь корпусом о край пропасти, судно все стремительнее уходит вниз. Мы бултыхаемся в мутной воде, наполненной пузырьками запертого вместе с нами воздуха, и отчаянно пытаемся выбраться наружу...

Наконец, после очередного сокрушительного удара, дверь поддается, выпуская нас на свободу.

Слава богу!!

Подхватив погибших мужчин, мы выскальзываем из западни и устремляемся вверх...

Глава шестая

Российская Федерация, Москва

Две недели назад

Следователь в синей форме с погонами подполковника юстиции долго безмолвствовал, заполняя какие-то бланки и документы. Безмолвствовал и словно не замечал сидящего в двух шагах очередного подследственного – Георгия Ивановича Устюжанина.

Устюжанин был крепким орешком и, в свою очередь, тоже не замечал следователя, смачно ковыряя зубочисткой левую нижнюю «семерку». От нечего делать он обзирал недавно отремонтированный по «евростандарту» кабинет и криво усмехался полнейшей безвкусице, с которой были «освоены» немалые бюджетные деньги.

– А чегой-то вы улыбаетесь, Георгий Иванович? – отложил ручку подполковник.

– Чтоб поплакать – слезы нужны, – парировал Жора, – а у меня их нет.

– И куда же они делись?

– Морская вода, понимаете ли.

– Что морская вода?

– Слезные железы морской водой разъело. Работа у нас такая.

– Шутить изволите? – вонзил в Устюжанина испепеляющий взгляд следователь. – Ну-ну.

А между тем оплошали в Баренцевом море, как юнги на практике...

Состязаться с Устюжаниным в словесных баталиях было бесполезно – капитан второго ранга знал столько морских прибауток, сколько в шевелюре подполковника произрастало седых волос.

– Бывает, что и бывалый моряк промокает, – выдал он ровным голосом. И добавил в тему: – А боишься бурь и риска – не подходи к морю близко.

Промолчав, следователь уткнулся в бумажку и принялся монотонно диктовать вопрос за вопросом:

– ...Как долго вы занимали должность заместителя командира отряда боевых пловцов?

– Около пяти лет.

– Принимая какие-то решения, капитан второго ранга Черенков советовался с вами?

– Всегда советовался, если задача была сложной или нестандартной.

– А перед тем погружением, когда вы проникли внутрь затонувшего судна, он интересовался вашим мнением?

– Да, во время обеда в кают-компании сторожевика мы обсуждали возникшую проблему...

Сотрудник Следственного комитета скрупулезно фиксировал на бумаге каждую фразу подследственного.

– И кому же принадлежала идея лезть внутрь траулера?

Немного подумав, Устюжанин пожал плечами:

– Не могу вспомнить точно. Нам приказали досконально осмотреть судно и, по возможности, поднять тела погибших рыбаков.

– Вот-вот, – оживился сотрудник Следственного комитета, – ключевая фраза в вашем предложении – «по возможности». Вам ведь никто не приказывал поднять тела любой ценой. Так?

– Кто же возьмет на себя смелость озвучивать такой приказ? Но и мы – исполнители приказа – хорошо понимаем, что отыскать погибших, не осмотрев ходовую рубку и помещения нижней палубы, невозможно. Для чего тогда вообще снаряжать экспедицию и ходить на глу-

бину? Просто поглазеть на погибшее судно со стороны? Ну, так я вам сразу скажу: визуальный осмотр траулера не даст ровным счетом ничего.

– Это уже другой вопрос. Вернемся к конкретике. Значит, вы – заместитель командира «Фрегата» – поддержали идею осмотра внутренних помещений затонувшего судна. Я правильно вас понял?

– Правильно.

– Отлично. Так и запишем... – И подполковник снова склонился над протоколом, выводя в его графах свои закорючки...

Допрос длился около шести часов и закончился ближе к вечеру.

Не привыкший к подобным испытаниям Георгий уже ерзал на стуле – болела задница, изнывала спина, от голода (обеда, конечно же, никто не предложил) возмущенно урчал пустой желудок. В сложнейших условиях на глубине он мог работать, пока не оставался аварийный запас дыхательной смеси, коего хватало для подъема на поверхность. А в кабинетах и контролах буквально задыхался и никогда не понимал людей, променявших нормальную работу на канцелярскую пыль.

Вопросы, на которые приходилось отвечать Георгию, часто повторялись, лишь слегка меняя форму. «Пытается поймать на несоответствии? – гадал он, изучая неприятное лицо хозяйина кабинета. – Или нарочно тянет время, желая подловить на ошибке или оговорке?»

Скорее всего это был один из приемов «умелых товарищей» из правоохранительных органов – измотать, запутать, взять измором и в итоге получить нужные показания. Со всеми подобными штучками хорошо образованный и начитанный Жора был знаком, а потому в показаниях не плутал, эмоций не проявлял и скрупулезно выдерживал заданную линию.

– На сегодня достаточно, – наконец проговорил следователь, подсовывая протокол. – Ознакомьтесь и распишитесь внизу.

Невзирая на колоссальную усталость, Устюжанин внимательно изучил каждую строчку текста, коего набралось два десятка страниц. Поставив внизу автограф, отодвинул протокол и невозмутимо устался на следователя.

– Вопросы есть? – поднял тот глаза на Георгия.

– Нет.

Следователь подвинул руку к кнопке вызова охраны, погладил ее указательным пальцем, но нажимать отчего-то не торопился. Поправив очки, тихо спросил:

– Вы хотя бы догадываетесь, какое вас ждет наказание?

– Зачем гадать? Месяца через два-три приведут в зал суда и объявят.

– Да, примерно так и произойдет. Только вы не учли парочки серьезных моментов.

– Каких же?

– Во-первых, расследование может затянуться и займет не два-три месяца, а год-полтора.

И все это время вы будете париться на нарах в СИЗО. Вам нравится в СИЗО?

– Не очень, – признался Жора.

– И это, заметьте, полбеды. Тем более что срок пребывания в означенном заведении засчитывается в общий срок лишения свободы.

– Да, это неприятно. В чем же суть второго момента?

– В том, что в колонии общего режима, куда вас этапируют прямо из зала суда, не намного комфортнее. А сидеть придется несколько больше, чем вы предполагаете.

– И сколько же? – помрачнев, переспросил Устюжанин.

– Как один из руководителей операции, вы получите не менее семи лет.

– Семи?! Не много ли?

– Не менее семи! – назидательно повторил подполковник. – Все зависит от вас и от настроения людей в мантиях в день заседания.

– С настроением понятно. А что зависит от меня?

Следователь нажал на кнопку звонка и принялся складывать в портфель документы. Однако кабинетная дверь оставалась закрытой – конвоиры отчего-то не появлялись. Собрав портфель, он позвонил еще раз, но также безрезультатно.

– В чем дело? – ворчливо прошептал подполковник, поднимаясь с кресла, и, направившись к выходу, строго предупредил: – Посидите минуту, я сейчас...

Оставшись в одиночестве, Георгий растерянно огляделся. Из головы не выходила только что услышанная фраза о семи годах заключения.

«За что?! – росло справедливое негодование. – За то, что молодые пловцы ослушались приказа Черенкова?! За то, что мы рисковали жизнями и сами едва не сгинули в подводной пропасти?! И это называется справедливым правосудием?..»

В многолетней истории «Фрегата» случалось немало нештатных ситуаций, происшествий и даже трагедий, связанных с гибелью личного состава. А как же иначе? По сложности и нервному напряжению работу боевого пловца можно сравнить разве что с выходами космонавтов в открытый космос. Глубина ошибок не прощает и столь же враждебна по отношению к человеку, как ледяной космический вакуум. Да что там ошибок! Зачастую все делаешь правильно, выверяя каждое действие, каждое движение, а глубина преподносит коварные сюрпризы, иногда приводящие к трагическому финалу. До сего дня последствия подобных каверз умело и своевременно сглаживались генералом Горчаковым. Он, подобно грозному ангелу-хранителю, всегда вставал на защиту подопечных: негодовал, ругался, стучал кулаком по столу, доказывая разного рода чиновникам всю нелепость их обвинений.

– Они, в отличие от вас, господа кабинетные заседатели, постоянно на передовой и постоянно рискуют жизнями, выполняя ваши задания и исправляя ваши, между прочим, недоработки! – неоднократно кричал он, глотая валидол. – Вы греете геморрой на курортных пляжах, а они теряют здоровье в ледяных водах северных морей! Вы надеваете акваланги и любуетесь тропическими рыбками, а они обезвреживают боеприпасы, охраняют наши границы, противостоят диверсантам и спасают жизни людей!..

Однако в этот раз помощи от Горчакова не последовало. Может быть, уехал за границу по важным делам или занемог от сердечного приступа, скрутившего его после нашего возвращения из акватории Баренцева моря. Никто из бывших боевых пловцов не мог до него дозвониться, никто не имел понятия, что с ним и куда он пропал...

Взгляд скользнул по приоткрытому окну. В кабинете их имелось два: одно сбоку от стула Устюжанина, и второе – рядом с кожаным креслом следователя. Первое было глухим – без поворотно-откидного механизма, второе манило приоткрытой створкой. Ни решетки, ни металлической сетки. За окнами бурлила привычная свободная жизнь, от которой отделяла открытая створка и высота второго этажа.

«А что, если обойти стол, встать на подоконник и сигануть вниз?.. – все настойчивее подталкивала к действию экстремистская идея. – Чего, собственно, я потеряю? Ах, ну да – честное имя. И семь лет заключения в колонии общего режима...»

Жорин ангел-хранитель от этой идеи аж поперхнулся и, удивленно заглянув с улицы в окно, pokrutil пальцем у виска. Так, по крайней мере, показалось Георгию.

Толком не решив, бежать или дожидаться конвоиров, он поднялся и в глубокой задумчивости обошел письменный стол. Тихо скрипнув, створка открылась настежь, обдав лицо уличной духотой.

Окно выходило на тихий переулок, пересекавшийся неподалеку с широкой улицей. Всего лишь в какой-то сотне метров от серого казенного дома с вывеской «Следственный комитет» проносились машины и двигались потоки пешеходов. Сам переулок пустовал. Никаким ангелом-хранителем здесь и не пахло.

«Бежать! Бежать, а там – будь что будет!..» – решил про себя Устюжанин и влез на подоконник.

Одна нога уже обрела свободу, другая намеревалась распрямиться в коленке и тоже повиснуть в воздухе, как вдруг кабинетная дверь шумно распахнулась. В помещение стремительно вошел следователь в сопровождении конвоира и мужчины в ладно сшитом гражданском костюме.

– Куда это вы намылились, Георгий Иванович? – скривились в язвительной усмешке пухлые губы подполковника.

Устюжанин тихо выругался, развернулся и спрыгнул на пол.

– Воздухом решил подышать. Душно тут у вас, – вернулся он на место.

– Да что вы говорите?! – рассмеялся хозяин кабинета и, указав на маленькое устройство под потолком, театральным шепотом поведал: – А начальник внутренней охраны с помощью камеры наблюдения предупредил нас о готовящемся побеге. Представляете? Если я приобщу его слова к уголовному делу, вам определенно накинут годика два.

– Какая теперь разница: семь или девять, – вздохнул Жора.

– Разница на самом деле имеется. Итак, мы с конвойным отлучимся, а чтобы открытое окно не подвигло вас на новые подвиги, я оставляю здесь этого господина. Заурбек Адамович, присмотрите за подследственным?

– Конечно, о чем речь! – кивнул мужчина в дорогом костюмчике.

– Тогда устраивайтесь в кресле, чувствуйте себя, как своем офисе, и не спускайте с него глаз...

Дверь за конвоиром и следователем мягко прикрылась.

Незнакомец по-хозяйски уселся в кожаное кресло, выудил из кармана пачку сигарет:

– Угощайтесь.

– Спасибо, не курю, – отказался Георгий.

Мужчина подпалил сигарету, пододвинул поближе пепельницу и интересом оглядел бывшего боевого пловца. Тот, в свою очередь, изучал странного человека, мало похожего на сотрудника Следственного комитета...

Мужчина был светлокж, рыжеват и вполне сошел бы за жителя Воронежа или Омска, если бы не акцент, с лихвой выдававший детство и юность, проведенные среди кавказских ущелий.

Выкурив половину сигареты, незнакомец внезапно улыбнулся, обнажив ряд здоровых белых зубов:

– А что, Георгий Иванович, вам действительно все равно, какой отбывать срок?

– Сказать по правде, не встречал таких людей, которым все равно, сколько париться за решеткой, – проворчал Жора и потянулся к сигаретной пачке. – Ладно, давайте покурим. Незачем теперь беречь здоровье...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.